

Мы можем быть только благодарны Б. Э. Петри, засвидетельствовавшему некоторые факты традиционного природоотношения в северном прибайкалье, так как само это отношение в значительной степени безвозвратно утрачено. Безвозвратность этой утраты рождает не только вполне закономерное чувство горечи, но и настоятельную потребность изучения этого природоотношения, попытки его более или менее детальной идеальной реконструкции.

Примечания

- ¹ Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. Пг.; М., б. г. С. 14—15.
- ² Монгольско-русско-французский словарь О. М. Ковалевского. СПб., 1844. С. 1044—1045.
- ³ Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. М., 1959. С. 33.
- ⁴ Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. С. 184—185.
- ⁵ См.: Петри Б. Э. Внутри-родовые отношения у северных бурят. Иркутск, 1925. С. 59.
- ⁶ Галданова Г. Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987. С. 42.
- ⁷ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 76.
- ⁸ Бертагаев Т. А. Культ богини-матери и огня у монгольских племен // Сов. этнография. 1973. № 6. С. 120.
- ⁹ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Т. 2. СПб., 1882. С. 124—125.
- ¹⁰ См.: Богораз В. Г., Чукчи. Л., 1939. С. 1—3; Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 102.
- ¹¹ Мэнс Г. О семантике топонима Ульген // Исследования по исторической этнографии монгольских народов. Улан-Удэ, 1986. С. 94—96; Галданова Г. Р. Указ. раб., С. 27—28.
- ¹² Кычанов Е. И. Тангуты о происхождении мира и человека // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XX год. сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 17. Л., 1986. С. 129.
- ¹³ Петрухин В. Я. Человек и животное в мифе и ритуале: мир природы в символах культуры // Мифы, культы, обряды народов Зарубежной Азии. М., 1986. С. 7.
- ¹⁴ Путилов Б. Н. Миф — обряд — песня Новой Гвиней. М., 1980. С. 215.
- ¹⁵ Галданова Г. Р. Указ. раб. С. 61.
- ¹⁶ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 57.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Монголо-ойратский героический эпос. Пг.: М., б. г. С. 83.
- ¹⁹ Хангалов М. Н. Балаганский сборник // Изв. ВСОРГО. Труды. Т. 5. Томск, 1903. С. 33.
- ²⁰ Монголо-ойратский героический эпос. С. 73.
- ²¹ Жуковская Н. Л. Категории традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 31.
- ²² Потанин Г. Н. Указ. раб. С. 124.
- ²³ Петри Б. Э. Охота и оленеводство у тугурских тунгусов в связи с организацией охотхозяйства. Иркутск, 1930. С. 7, 79.

© 1990 г.

А. В. Гринёв

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА ИНДЕЙЦЕВ ТЛИНКИТОВ

Тлинкаитская антропонимия уже неоднократно привлекала внимание исследователей. Сведения об именах тлинкаитов содержатся как в ранних русских источниках, так и в работах американских этнографов, среди которых следует особо отметить фундаментальный труд Ф. де Лагуны¹. В советской исторической науке эта тема почти не затрагивалась². Поэтому представляется важным подробнее остановиться на ней, тем более что антропонимика была теснейшим образом связана со многими сторонами жизни индейского общества и может служить одним из источников по истории и этнографии тлинкаитов, а также материалом для сравнительного анализа по общим вопросам ономастики. Весьма примечательно, в частности, то, что антропонимическая модель тлинкаитов очень близка к арабской классической модели, сформировавшейся в позднее средневековье³. Это своеобразное свидетельство универсальности человеческой культуры.

При наречении именем у тлинкитов определяющее значение имели следующие факторы, взятые в отдельности или в какой-либо комбинации: 1) принадлежность к тому или иному роду и фратрии (Ворона или Волка/Орла); 2) пол и возраст; 3) социальный статус родителей; 4) особенности и личные качества человека, его социальный статус; 5) наличие у нарекаемого детей. Огромное влияние на механизм наречения оказывал матрилинейный счет родства, который был присущ социальной организации не только тлинкитов, но и их соседей — индейцев хайда, цимшиан, эяков и частично атапасков. Сын сестры был прямым наследником индейца, в то время как его собственный сын относился к роду противоположной фратрии. Наиболее тесная родственная связь существовала, следовательно, между племянником и дядей, внуком и дедом, родными братьями, поскольку все они принадлежали к одному роду — роду матери. Имена поэтому часто переходили от старшего брата к младшему, от дяди — к племяннику, от деда — к внуку.

При рассмотрении тлинкитской антропонимики следует также иметь в виду тот факт, что общество индейцев не было однородным. Наряду с простыми общинниками существовали рабы и богатая родовая знать — *анъяди*. Антропонимика довольно четко отразила наметившееся имущественное и социальное неравенство, выразившееся, в частности, в появлении особых почетных имен, на которые претендовали богатые тлинкиты.

Почти все исследователи отмечают, что личные имена тлинкитов в большинстве случаев произошли от названий животных. «Большая часть индейских имен суть названия животных, — писал архимандрит Анатолий. — Давая звериное имя своему ребенку, индианин верит, что вместе с этим его потомок будет владеть силою и способностью того зверя, имя которого он носит»⁴. У других авторов акцент переносится с мистической силы имени на его связь с тотемом, почитавшимся в том или ином роде. Так, Дж. Р. Свентон констатировал, что имена, присущие тлинкитам фратрии Ворона, соотносятся с такими животными, как лягушка, ворон, горбуша и т. д., а для индейцев фратрии Волка/Орла были характерны имена, восходящие к названию волка, медведя-гризли, касатки, орла и ряда других тотемных животных. Кроме того, как писал Свенто, часть индейских имен произошла от названий особых медных пластин (очень высоко ценившихся тлинкитами), тотемных столбов, ручьев и т. д.⁵ Однако приведенные им в качестве примера тлинкитские имена являются либо родовыми, либо почетными и далеко не исчерпывают всего многообразия индийской антропонимии.

Каждый тлинкит мог иметь несколько имен, а иногда и прозвищ, которые он приобретал на протяжении жизни. Все эти имена и прозвища могут быть сведены в следующий список, составленный главным образом на основе материалов Ф. де Лагуны⁶: 1) родовое, или «действительное», т. е. личное имя в узком смысле слова; 2) детское прозвище, уменьшительно-ласкательное имя; 3) дополнительное имя или прозвище взрослого человека; 4) текнонимическое имя нескольких разновидностей; 5) почетное, или «потлачное», имя (*potlach name*) — его мог приобрести или унаследовать только богатый человек (обычно это был родовой вождь) после устройства особого потлача⁷.

Данная классификация достаточно условна, так как почти все имена и прозвища любой из перечисленных категорий могли менять свою принадлежность: текнонимическое имя могло стать «действительным», «действительное» — почетным и т. д. При этом разница между мужской и женской антропонимической моделью была незначительна и проявлялась главным образом в текнонимах. Эти обстоятельства являются значительным препятствием при идентификации имени без знания его происхождения и истории. Рассмотрим подробнее каждый из пунктов антропонимической классификации, обратив внимание на время и механизм наречения тем или иным именем.

Родовое, или «действительное», имя являлось первым именем индейца, оно

чаще всего давалось ему матерью при рождении. Обычно оно было наследственным и передавалось из поколения в поколение внутри рода. Этот тип имени можно, пожалуй, назвать универсальным: во всяком случае, он лежал в основе антропонимической модели, распространенной во всех соседних с тлинкитами индейских племенах⁸. Обычно мать называла ребенка именем своего умершего родственника, чья душа, по убеждению тлинкитов, вновь «вселялась» в новорожденного. На «вселение» в ребенка определенного духа указывали сны, увиденные матерью до его рождения, и наличие приметных родинок. Кроме того, на выбор имени влияли степень привязанности матери к умершему родственнику и социальная позиция семьи⁹.

В настоящее время трудно выделить группу собственно «действительных» имен, поскольку многие из них являются по сути дела бывшими почетными именами, текнонимами и даже прозвищами. В тлинкитских легендах, родовых преданиях и песнях встречается ряд имен, которые вероятно, можно считать «действительными» именами, так как они не соотносятся с тотемом рода и не являются текнонимами по форме: Тлехи (Танцор), Йэлк (Маленький Ворон), Кетл (Собака), Да-Тлан (Большой Горностай), Шах (Дикая Смородина)¹⁰. Не исключено, что они возникли из древних имен-прозвищ, чье происхождение стерлось в памяти поколений. Отдельные имена были, возможно, своеобразными напоминаниями о каких-либо событиях, например, имя Джиналатк (Катящиеся Волны), данное девочке ее матерью в память о месте, где утонул ребенок ее сестры¹¹.

По данным Ф. де Лагуны, ребенок мог обладать несколькими «действительными» именами. Так, маленькая девочка из рода *тлюкнахади* получила при рождении «действительное» имя (прозвище-текноним своей прабабки) Ка-тла (Мать-Мужчины) и еще одно «действительное» имя (имя тетки прабабки) — Тле-ан (Вместе-С-Селением)¹². Обычай давать детям при рождении несколько родовых имен является, возможно, поздней инновацией, связанной с престижными соображениями.

Кроме «действительного» ребенок мог получить в детстве от своей матери уменьшительно-ласкательное имя или прозвище. Например, одного мальчика звали Ченио (Вонючка), а двух девочек — Дашана (Капризная) и Цикина (Моя-Маленькая-Любовь)¹³.

Пожилой человек очень редко был известен по детскому имени, но он мог приобрести прозвище в зрелом возрасте. Такое прозвище отражало, как правило, какую-нибудь черту характера, внешности или факт биографии и являлось по сути дела дополнительным именем индейца. Так, в одной из тлинкитских легенд рассказывается о войне между родами *киксади* и *дешитан*. Во время одного из столкновений воин-дешитан вышел навстречу врагу в медвежьей шкуре, за что был прозван Хуц-ги-сати (Хозяин-Медвежьей-Шкуры)¹⁴.

Прозвища могли со временем превращаться в «действительные» имена и даже, очевидно, в почетные. Например, прозвище жены одного из тлинкитских вождей было Шават-кеге (Скупая Женщина), оно было унаследовано родственницами ее рода. Подобное происхождение имеют имена: Си-кеге (Скупая Дочь), Шават-хиц (Крохотная Женщина), Ка-тлен (Большой Мужчина) и т. д.¹⁵

Прозвища-клички получали, возможно, и рабы происходившие из других племен, так как тлинкиты могли не знать их настоящих имен или по крайней мере значения этих имен. В известных нам американских источниках почти отсутствуют сведения по этому вопросу. На основе отрывочных данных можно предположить, что рабы-иноплеменники получали клички, отражавшие главным образом внешние особенности человека или этническое (родовое) происхождение. Например, в легендах упоминается раб по имени Хуц-ка (Мужчина-Медведь), который был прозван так за свой огромный рост и силу. В одном из преданий говорится о рабыне, которую звали просто Молодая Рабыня (Шат-шхуху)¹⁶.

К дополнительным именам можно также отнести имена, которые, по словам Ф. де Лагуны, получали или принимали шаманы после периода «ученичества» или «приобретения» первого духа. Так, шаман по имени Тек-иш был также известен под именем Лхадуса (Говорящий-О-Войне), которое указывало на его способность (или способность одного из его духов) «видеть» приближение военного отряда¹⁷. В одном из тлинкитских сказаний рассказывалось, например, о шамане Гаанистене из рода *хаситтан*. Ночью к нему явился дух Выдры и дал ему новое имя Гаккахуан (Замерзающее Лицо), под которым он и стал позднее известен¹⁸.

Особые имена получали заложники (мужчины и женщины высокого ранга), которых брали во время заключения мира, прекращавшего вражду между родами. Заложникам, по данным американского этнографа К. Оберга, давали имена, символизировавшие мир, смирение, счастье и изобилие, такие как Женщина, Лососевая Ловушка, Колибри, Малиновка и т. д.¹⁹ К. Макклеллан приводит в одной из своих работ аналогичные имена мирных заложников у внутриматериковых тлинкитов: Шатл Кауакан (Олень-Рыбная Ловушка), Какан (Солнце), Яку (Каноз), причем каждый из заложников во время мирного танца должен был носить церемониальную шляпу-модель, изображавшую значение его имени²⁰. Согласно же материалам Ф. де Лагуны, имена заложников соотносились с тотемами или какой-либо собственностью «захватившего» их рода или указывали на эмблему фратрии, к которой тот принадлежал, например имя Йэл-тлед (Белый Ворон), полученное индейцем рода *текуе-ди* от рода *куашккуан* (фратрия Ворона). Такие имена использовались только во время мирной церемонии и не наследовались²¹.

Исследователями не было отмечено наличия у тлинкитов специальных «военных» имен. Однако в одном из тлинкитских сказаний говорится об индейце по имени Хука и указывается, что его «военное» имя было Уа'ашга²², что и позволяет предположить, что такие имена некогда существовали и, вероятно, наделались магической силой.

Среди тлинкитских имен довольно часто встречаются текнонимы, образованные путем прибавления к имени ребенка слов «иш» (отец) или «тла» (мать). Такие имена давались в трех случаях: 1) текнонимичное имя получал новорожденный, в которого «вселился» дух его умершего сородича (т. е. это разновидность «действительных» имен); 2) текнонимичные имена получали родители при рождении у них ребенка (т. е. это текнонимы в узком смысле слова); 3) текнонимичное имя получал человек, владевший каким-нибудь особым имуществом или связанный с каким-либо географическим объектом. В качестве примера первого рода можно привести имя маленького мальчика, который родился после смерти шамана по имени Маленький Камень (Тек). Мальчика называли Тек-иш (Отец-Маленького-Камня). Иногда ребенок получал при рождении подлинное текнонимичное имя своего сородича, как это было в случае с уже упоминавшимся именем Ка-тла, которое было присвоено девочке из рода *тлюкнахад* и которое принадлежало первоначально ее прабабке. Примером второго рода могут служить имена родителей мальчика по имени Кухтсина, которых после его рождения стали звать соответственно Кухтсина-иш и Кухтсина-тла²³.

Текнонимичные имена, по данным К. Оберга, были наиболее употребительными среди женских²⁴. Женщина, унаследовавшая его, имела право называть им своего ребенка. Если, например, девочка получала имя Хуцк-тла (Мать-Детеныша-Медведя), то она могла назвать своего старшего сына Хуцк (Детеныш Медведя), а ее будущий муж мог получить имя Хуцк-иш²⁵.

Если у человека не было ребенка, то он нередко получал имя-текноним по кличке его любимой собаки. Подобного же рода было имя одной тлинкитки из рода *куашккуан*, которая, получив кошку от американских рыбаков, стала известна под именем Мать Кошки (Душ-тла). Еще одной разновидностью текнонимов данного типа были имена, соотносившиеся с географическими

объектами. Так, одного вождя тлинкизированного эякского рода *калиах-кагван-тан* звали Калиах-иш (Отец [реки] Калиах) из-за его привязанности к этой реке. Имя Киллисну-иш получил от индейцев агент американской Северо-Западной торговой компании Эдвард Де Грофф в честь о-ва Киллисну вблизи тлинкитского селения Ангун, где его компания основала в 1878 г. свою факторию²⁶. Все только что описанные имена являются своеобразными тектонимическими прозвищами.

Обычай давать тектонимические имена был характерен и для внутриматериковых атапасков. Так, американский путешественник Роберт Кенникот в 1860 г. описал в своем журнале совершенно сходную с тлинкитской тектонимической моделью систему наречения тектонимами у атапасков слэйв²⁷. Среди живших на островах Королевы Шарлотты индейцев хайда тектонимическая модель отличалась еще большей сложностью: у них при рождении ребенка менялось имя не только отца и матери, но также деда и бабушки²⁸. Особенно популярными тектонимические имена в форме «дед такого-то», например Ниёсаута (Дед Дикобраза), были среди обитавших к югу от тлинкитов индейцев цимшиан²⁹.

Кроме родовых, дополнительных, тектонимических имен и различных прозвищ тлинкиты имели особые почетные имена, которые могли приобретать только очень богатые индейцы на особого рода *потлачах*. Эту разновидность потлача русский миссионер И. Е. Вениаминов называл, используя тлинкитский термин *кхаташи* (правильнее *я'датуйе*), который был эквивалентен потлачу «валал» или «валгал»³⁰ у индейцев хайда. От обычного погребального потлача кхаташи отличался, во-первых, своими масштабами: на него приглашались помимо живущих в данном селении также индейцы из других, порой весьма отдаленных селений; среди приглашенных были не только представители противоположной фратрии (как на «классическом» потлаче), но и члены фратрии устроителя потлача. Во-вторых, для проведения подобного потлача всегда строился новый дом или реконструировался старый. В-третьих, только на таком потлаче, по данным И. Е. Вениаминова, вождь мог носить особые перемониальные одеяния с тотемной символикой рода. Наконец, вождь, устроивший подобный потлач, раздавал на нем не только свое имущество в виде подарков гостям, но и имущество своей жены. «При сих только игрушках [так в русских источниках обозначали потлач] Колоши [здесь: тлинкиты], отправляющие Каташи, имеют право, если захотят, принять себе другое имя какого-либо из умерших родственников. И не только одни мужчины, но нередко и Тоэнши [жены „тоенов“ — вождей] в это время принимают себе другое имя», — писал И. Е. Вениаминов³¹. Из этого отрывка видно, что Вениаминов специально подчеркивал возможность приобретения знатной тлинкиткой почетного имени. Такая возможность обеспечивалась участием жены вождя в накоплении имущества для подарков гостям на потлаче и присутствием на нем представителей противоположной фратрии (фратрии мужа), которые, вероятно, санкционировали и подтверждали ее право на новое имя. По сведениям Р. Л. Олсона, на получение новых имен могли рассчитывать и сородичи вождя, которые помогали ему собрать необходимое имущество для устройства потлача³².

Почетное имя могло быть присвоено и на другой разновидности потлача, который богатый вождь устраивал в честь своих детей. Последние после этого становились *анъяди*, т. е. знатными людьми. Дети и подростки получали новые имена во время раздачи подарков гостям. Каждое наречение сопровождалось выступлением оратора, сообщавшего историю имени и «великие» дела и заслуги тех, кто носил его прежде³³. Согласно материалам И. Е. Вениаминова, такое имя относилось к роду отца — устроителя потлача³⁴. На самом деле, если проанализировать аналогичный тип потлача у хайда³⁵, ребенок обычно получал имя «отца отца», т. е. своего деда, который принадлежал, как правило, к тому же самому роду (т. е. роду матери). При этом у хайда подлинно почетным

именем было только имя, приобретенное самим человеком, устроившим потlach, а не то, которое давалось ему на потлаче его отца³⁶. Указание на подобную градацию почетных имен у тлинкитов содержится и в «Записках» И. Е. Вениаминова. «Богатый же тоэн,— писал он,— может дать родовое имя своему сыну тотчас по рождении его, но с тем, что он уже обязан сделать со временем знаменитые поминки своим родственникам»³⁷. Таким образом, «детское» почетное имя давалось сыну вождя как бы «авансом», который он должен был «оплатить» в зрелом возрасте, устроив кхаташи, чем и подтверждал «законность» и «благородство» своего почетного имени.

Связанные с важнейшей в социальной жизни индейского общества церемонией почетных имен, их происхождение и история хранились в коллективной памяти людей на протяжении многих поколений. Поэтому они лучше известны исследователям, чем обычные имена и прозвища, и порой фигурируют в научных трудах как типично индейские имена. По данным К. Оберга, почетные имена были священны и употреблялись только в особо торжественных случаях³⁸.

Почетные имена имели тенденцию к превращению в своеобразные титулы. Так, традиционным именем главы Дома Ворона рода дешитан было имя Йэлнаву (Мертвый Ворон)³⁹. Однако полного превращения почетного имени в своего рода «дворянский» титул у тлинкитов еще не произошло, поскольку, с одной стороны, богатый наследник не всегда принимал имя своего предшественника (дяди, деда, старшего брата), а с другой — почетное имя могло «деградировать» и превратиться в обычное «действительное» имя. Это происходило, очевидно, в случае дискредитации его носителя, либо в результате вырождения того домохозяйства или локального подразделения рода, где оно почиталось.

Почетные имена, как уже отмечалось, чаще всего ассоциировались с тотемом или тотемами данного рода. Так для рода кнахтеди (главный красный Ворон), были характерны следующие почетные имена: Йэлгок (Прекрасный Ворон), Андаканэл (Летящий Ворон), Йэлкуху (Раб Ворона), Данавак (Серебряные Глаза [Вороcha]), Тлгина (Шорох- [Вороньях]-Крыльев) и т. д.⁴⁰ Принимая на потлаче почетное тотемное имя, вождь надевал соответствующие регалии и становился как бы живым воплощением тотема, символом определенной социальной группы (рода или его подразделения). Жена же вождя всегда принадлежала к роду противоположной фратрии, и поскольку официальным устроителем потлача выступал род мужа, то она могла принять почетное имя «по потлачу», но не «по тотему». Даже такое классическое «тотемное» имя как Хихч/Кикс-си (Дочь Лягушки), которое наследовалось среди знатных женщин рода *куашккуан*, судя по его истории, восходит не к тотему, а к конкретному потлачу⁴¹. По материалам К. Оберга, семантика почетных женских имен отражала, как правило, богатство, раздававшееся по потлачам, как, например, имена Тонэтлтишует (Переполненная Комната) и Туветлихае (Дающая-Большее-Чем-Цена)⁴². Почетные мужские имена также могли указывать на имущество, раздаренное на потлаче гостям. Очень редко, вероятно, только в тех случаях, когда в роду не оставалось мужчины достаточно высокого ранга, чтобы носить то или иное почетное имя, его могла использовать женщина самого высокого ранга⁴³.

По данным Ф. де Лагуны, тлинкитские вожди могли носить одновременно несколько почетных имен⁴⁴. Возможно, это было относительно недавним нововведением, зародившимся на начальных стадиях европейской колонизации Аляски (период Русской Америки, 1741—1867 гг.), когда среди обогатившихся на пушной торговле индейцев наиболее престижным считалось приобретение нескольких почетных имен.

Почетные имена, как правило, передавались по наследству. Известны целые «династии» вождей, носивших одно имя. Таковы имена некогда знаменитых вождей: Катлиан, Навушкетл, Анахуц, Шэйкс и т. д. Иногда, правда, богатые

вожди приобретали совершенно новые имена. Устраивая потлач, вождь в принципе мог «поднять» и сделать почетным свое «действительное» имя. Богатство давало возможность превратить в почетные имена даже оскорбления. Так, индейцы рода дешитан, устроив грандиозный потлач, подняли свой статус и превратили ругательства, которыми их осыпали бывшие сородичи канахтеди, в почетные имена (лишь несколько изменив и укоротив оскорбительные выражения). Таковы по происхождению имена вождей дешитан Ланкушу, Нашухайи и Квудактик⁴⁵.

Почетные имена считались собственностью рода, который ревниво оберегал их от посягательств чужаков. Исключая наследование, такие имена могли быть переданы людям другого рода лишь в крайне редких случаях (обычно при заключении мира между враждовавшими родами). Индейцы могли «захватить» одно или несколько почетных имен чужого рода в том случае, если этот род им в чем-либо задолжал, и удерживать их до тех пор, пока не будет выплачен долг.⁴⁶ Интересный случай подобной адаптации имени произошел во время путешествия на Аляске известного американского исследователя лейтенанта Фридерика Шватки. Он нанял нескольких тлинкитов в качестве проводников, но в конце путешествия не мог выплатить им обещанную сумму денег. Индейцы тут же взяли фамилию Шватки, которая до сих пор используется как почетное имя рода *даклауеди* в селении Клакван и произносится как «Сватки»⁴⁷.

Наряду с разнообразными именами и прозвищами тлинкиты нередко употребляя в повседневном общении вместо имен термины родства и свойства. Курьезный пример такого рода приводил историк российского флота В. Н. Берх, побывавший в начале XIX в. в Русской Америке. Так, при переписи членов семьи одного лояльного к русским тлинкитского вождя последний не мог даже вспомнить настоящее имя своей супруги, поскольку постоянно звал ее просто «жена» ('ах шат — «моя жена»). Лишь его раб помог русским установить истинное имя своей госпожи⁴⁸.

Многочисленные миграции и эволюция родовой структуры тлинкитского общества способствовали разделению старых родов, выделению новых домохозяйств, вследствие чего имена (прежде всего «действительные») могли переходить к обособившимся частям и домохозяйствам изначального рода. Кроме того, как отмечал Дж.Р. Свентон, у ряда родов были одинаковые тотемы (Медведь, Лягушка и т. д.); поэтому имена, происходившие от таких тотемов, были у различных родов одинаковыми⁴⁹. Это приводило к появлению у тлинкитов тезок. Например, имя Йэлнаву (Мертвый Ворон) носили индейцы (главным образом вожди) из родов *тлюкнахади*, *дешитан* и *коскеди*⁵⁰. Традиционно люди с одинаковыми именами относились друг к другу как к отражению своего «я», называя тезку «ха'и» — «мой дорогой»⁵¹.

Тлинкиты порой заимствовали имена у соседних племен. Наиболее известным именем такого рода было, пожалуй, имя Шекс (Шейкс, Шекш), которое получил вождь рода *нанъяйи* цимшиан в качестве своеобразной «репарации» после заключения мира⁵². По данным Р. Л. Олсона, в переводе с цимшианского оно означает «Гигантское Дерево»⁵³, а по материалам В. Е. Гарфильда — «Брызги», так как оно на самом деле представляет собой сокращение сложного имени, которое можно интерпретировать как «Где-Большая-Лягушка-Быстро-Прыгает-С-Брызгами»⁵⁴. В районе зал. Якутат среди обитающих здесь индейцев рода *куашккуан*, предки которых — эяки и атапаски атена — были ассимилированы тлинкитами около 250 лет тому назад, до сих пор распространены такие имена, как Яходакет, Вацдал, Ла'а и др., явно не тлинкитского происхождения⁵⁵.

Соседние племена в свою очередь заимствовали тлинкитские имена. В течение XIX в. во время торговой экспансии тлинкитов во внутренние районы материка их обычаи, некоторые элементы культуры и социальной организации довольно активно адаптировались местными атапаскскими племенами. Это

происходило и с именами. Так, один из богатых торговцев у северных тутченгов был известен под тлинкитским именем Тлинкит-тлен (Большой Человек), а у живших в верховьях р. Стикин атапасков талтан был военный вождь по имени Йэлшан (Старый Ворон)⁵⁶.

Представляет интерес также влияние европейцев на тлинкитскую антропонику. Проникновение предметов европейской материальной культуры в быт индейцев привело к появлению имен, отражавших эти инновации. Вождь рода *текуеди*, например, носил имя Унаштуку — «Стреляющее Ружье»⁵⁷, а одного раба рода *дешитан* звали Штин, т. е. «Сталь»⁵⁸.

В начальный период колонизации (в период Русской Америки) отдельные индейцы, принимавшие православную веру, получали христианские имена, а иногда также фамилии своих крестных отцов. Так, в ранних русских источниках упоминался один из тлинкитских вождей — Павел Родионов, который был в свое время заложником-аманатом у русских на о-ве Кадьяк и там, очевидно, был окрещен прапорщиком Ф. Я. Родионовым⁵⁹. Чаше, однако, индейцы, принявшие православие, получали лишь христианские имена (порой довольно экзотичные), а в качестве «фамилий» русские использовали их собственные тлинкитские имена. Примеры такого рода нередко встречаются в русских документах XIX в.: Наркис (Нарцисс) Ельк, Неон Кашкичат⁶⁰, Катерина Сакикан, Александ Кунахин⁶¹ и т. д. Наиболее известным тлинкитским вождем, носившим православное имя, был Михаил Кухкан, назначенный в 1843 г. с санкции Николая I главным «тоеном» (т. е. вождем) тлинкитов, живших у стен столицы Русской Америки — Ново-Архангельска⁶². В русских документах отмечалось, что его личное имя было Шчух, затем он в 1836 г. крестился и получил имя Михаил, а позднее, после смерти своего дяди Кухкана в 1841 или 1842 г., он устроил потлач, на котором унаследовал помимо имущества дяди также и его почетное имя⁶³. По данным финского натуралиста Г. И. Холмберга, побывавшего в начале 1850-х годов в Ново-Архангельске, Михаил Кухкан не имел сына, и поэтому еще одним его именем был текномим, образованный от клички его любимой собаки⁶⁴.

Русские православные имена, видимо, почти не использовались самими тлинкитами в повседневном общении. По крайней мере материалы по этому вопросу очень фрагментарны. Так, Эдвард Бельчер, капитан английского военного корабля, встретился в 1837 г. с главным вождем тлинкитов Якутата по имени Ануши, то есть «Русский». Этот вождь, по свидетельству Бельчера, принял имя Ивана Иватского (Ивана Ивановича?), вероятно, в честь одного из русских торговцев, посещавших Якутат в те годы⁶⁵. Уже в наше время якутатские тлинкиты сообщали Ф. де Лагуне, что такие имена как Стагуан (Степан?) и Шада (Шура? Саша?), возможно, русского происхождения⁶⁶. Кроме того, в списке тлинкитских вождей, составленном в начале нынешнего века Дж. Р. Свентоном, упоминался Нихана Кухкан⁶⁷, т. е. Михаил Кухкан. Но в целом русские (или производные от русских слов) имена почти не вошли в тлинкитскую антропонику, поскольку они использовались главным образом в качестве прозвищ конкретных людей и не наследовались как, например, «действительные» имена⁶⁸. Исключение составляет, возможно, имя индейца рода *чишкеди* — Савак (его мать была известна как Савак-тла), которое Ф. де Лагуна переводит как «Длинноухая Собака»⁶⁹, хотя по сути дела это просто калька с русского слова «собака» (в тлинкитском языке отсутствует звук б). Слабое влияние русских и тлинкитскую антропонику может быть объяснено относительной ограниченностью контактов и практически полной независимостью тлинкитов от колониальных властей в период существования Русской Америки.

Позднее, после продажи Россией Аляски США (1867 г.), тлинкиты начинают получать американские имена и фамилии (первоначально в качестве кличек и прозвищ), которые уже к концу XIX — началу XX в. постепенно внедряются в антропонимическую модель наряду с традиционными именами. Этот

процесс был обусловлен втягиванием тлинкитов в капиталистическую экономику и использованием во все более широких масштабах английского языка. Этому способствовала также активная деятельность миссионеров, развитие школьного образования среди индейцев, изменения в сфере социальных приоритетов и престижных ориентиров и, наконец, юридическая фиксация имен и фамилий коренного населения Аляски в связи с упорядочением административного управления. Индейцы начинают широко пользоваться такими стандартными англо-американскими именами и фамилиями, как Том, Фред, Стюард, Адамс и т. д. Правда, в повседневном общении эти новые имена и фамилии еще долгое время употреблялись и наследовались весьма произвольно. Оливер М. Сэйлисбьюри, который был школьным учителем в тлинкитском селении Клавак в 1920-х гг., приводил любопытные примеры такого рода. Так, один индеец был прозван американцами «Чарли», а его детей, вопреки европейской логике, стали звать Чарли Джексон, Чарли Джонсон и Мэгги Джексон. Одна старая тлинкитка, которая жила по соседству с Сэйлисбьюри, была известна одновременно как «миссис Джексон», «миссис Кук», «миссис Джек» и «миссис Кук-Джек» (ее последнего мужа звали «Джек», а когда он стал работать поваром, то получил дополнительное прозвище Кук — «Повар»⁷⁰).

В заключение, возвращаясь к традиционным тлинкитским именам, следует добавить, что далеко не все из них поддаются расшифровке и идентификации. Смысл многих очень туманен; некоторые имена соотнесены с определенными событиями или явлениями, неизвестными широкому кругу людей. В работах американских этнографов лишь приблизительно четверть упомянутых имен дана с соответствующими переводами. Поэтому разработка тлинкитской антропоники имеет определенную научную и познавательную ценность, тем более что в настоящее время традиционные индейские имена служат одной из опор сохранения культурного и исторического наследия тлинкитов.

Примечания

¹ *Laguna F. de. Under Mount Saint Elias: The History and Culture of the Yakutat Tlingit.* Pt 1—3. Washington, 1972.

² Известный советский этнограф Ю. П. Аверкиева в одной из своих работ касалась тлинкитской антропоники, однако она основывалась лишь на материалах Дж. Р. Свентона, которыми отнюдь не исчерпываются данные по интересующему нас вопросу. См.: *Аверкиева Ю. П. К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки (род и потлач у тлинкитов, хайда и цимшиан) // Амер. этногр. сб. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. VIII. М., 1960. С. 36—37.*

³ См.: *Системы личных имен у народов мира. М., 1986. С. 43—45.*

⁴ *Анатолій, архимандрит. Индиане Аляски. Быт и религия их. Одесса, 1906. С. 107.*

⁵ *Swanton J. R. Social Conditions, Beliefs, and Linguistic Relationship of the Tlingit Indians // Bull. BAE. № 26. Washington, 1908. P. 421—422.*

⁶ *Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 781—790.*

⁷ Потлач — церемония, связанная с раздачей подарков и угощений, что влекло за собой повышение престижа и социального статуса дарителя. Потлач был широко распространен среди различных народов мира, но особенно сложные формы и функции он приобрел у тлинкитов и других индейцев северо-западного побережья Северной Америки.

⁸ *Birket-Smith K., Laguna F. de. The Eyak Indians of the Copper River Delta, Alaska. København, 1938. P. 153; Garfield V. E. Tsimshian Clan and Society // University of Washington Publications Anthropology. 1939. V. 7. № 3. P. 221.*

⁹ *Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 781—783, 785.*

¹⁰ *Swanton J. R. Tlingit Myths and Texts // Bull. BAE. № 39. Washington, 1909. P. 232, 233, 399; Laguna F. de. Op. cit. Pt 1. P. 232, 246, 274; Pt 2. P. 789.*

¹¹ *Swanton J. R. Social Conditions ... P. 423.*

¹² *Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 782.*

¹³ *Ibid. P. 787.*

¹⁴ *Olson R. L. Social Structure and Social Life on the Tlingit in Alaska // Anthropological Records. V. 26. Los Angeles, 1967. P. 75.*

¹⁵ *Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 788.*

¹⁶ *Olson R. L. Op. cit. P. 77.*

¹⁷ *Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 787.*

¹⁸ *Olson R. L. Op. cit. P. 113.*

- ¹⁹ Oberg K. Crime and Punishment in Tlingit Society // Indians of the North Pacific Coast. Seattle; London, 1967. P. 222.
- ²⁰ McClellan C. My Old People Say: An Ethnographic Survey of Southern Yukon Territory. Pt 2. Ottawa, 1975. P. 501.
- ²¹ Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 787.
- ²² Olson R. L. Op. cit. P. 93.
- ²³ Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 784.
- ²⁴ Oberg K. The Social Economy of the Tlingit Indians. Seattle; L., 1973. P. 46.
- ²⁵ Laguna F. de. Op. cit. Pt 2. P. 784.
- ²⁶ Ibid. P. 788.
- ²⁷ James A. J. The First Scientific Exploration of Russian America and the Purchase of Alaska. Evanston; Chicago, 1942, P. 74.
- ²⁸ Curtiss E. S. The North American Indian. V. II. N. Y., 1970. P. 122.
- ²⁹ Garfield V. E. Op. cit. P. 224, 337.
- ³⁰ Murdock G. P. Culture and Society. Pittsburgh, 1965. P. 263, 272.
- ³¹ Вениаминов И. Е. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. III. СПб., 1840. С. 102—103.
- ³² Olson R. L. Op. cit. P. 69.
- ³³ Ibid. P. 69.
- ³⁴ Вениаминов И. Е. Указ. раб. С. 91.
- ³⁵ Murdock G. P. Op. cit. P. 274.
- ³⁶ Ibid. P. 279.
- ³⁷ Вениаминов И. Е. Указ. раб. С. 91.
- ³⁸ Oberg K. The Social Economy of the Tlingit Indians. P. 46.
- ³⁹ Laguna F. de. The Story of a Tlingit Community: A Problem in the Relationship between Archaeological, Ethnological and Historical Methods // 172 — th Bulletin BAE. Washington, 1960. P. 180.
- ⁴⁰ Oberg K. The Social Economy... P. 46.
- ⁴¹ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 2. P. 786.
- ⁴² Oberg K. The Social Economy... P. 46—47.
- ⁴³ Swanton J. R. Social Conditions... P. 422.
- ⁴⁴ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 2. P. 635—636.
- ⁴⁵ Idem. The Story of a Tlingit Community... P. 133—135.
- ⁴⁶ Swanton J. R. Social Conditions... P. 435.
- ⁴⁷ Oberg K. Crime and Punishment in Tlingit Society. P. 217.
- ⁴⁸ Макензи А. Путешествие по Северной Америке к Ледовитому морю и Тихому океану... СПб., 1808. С. 33 (примеч. В. Н. Берха).
- ⁴⁹ Swanton J. R. Social Conditions... P. 422.
- ⁵⁰ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 2. P. 789; idem. The Story of a Tlingit Community... P. 192; Swanton J. R. Social Conditions... P. 407.
- ⁵¹ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 2. P. 783.
- ⁵² Olson R. L. Op. cit. P. 80—81; Barbeau M. Pathfinders in the North Pacific. Caldwell, 1958. P. 133.
- ⁵³ Olson R. L. Op. cit. P. 32.
- ⁵⁴ Garfield V. E. Op. cit. P. 224.
- ⁵⁵ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 1. P. 789.
- ⁵⁶ McClellan C. Op. cit. Pt 2. P. 503, 523.
- ⁵⁷ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 1. P. 200.
- ⁵⁸ Idem. The Story of a Tlingit Community... P. 181.
- ⁵⁹ 1802 г. июля 1. — Донесение И. Кускова А. А. Баранову на Кадык о вооруженном столкновении партии промышленных людей с местными племенами и о разгроме Новоархангельска индейцами // К истории Российско-Американской компании / Сб. документальных материалов. Красноярск, 1957. С. 109—110.
- ⁶⁰ Центральный гос. исторический архив. Ф. 796. Оп. 90. Д. 273. Л. 63 об.
- ⁶¹ Архив внешней политики России. Ф. РАК. Оп. 888. Д. 1009. Л. 468; Д. 1010. Л. 312.
- ⁶² Там же. Д. 1009. Л. 539 об.—541.
- ⁶³ Там же. Д. 1008. Л. 188—188 об.
- ⁶⁴ Holmberg H. J. Ethnographische Skizzen über die Völker des Russischen Amerika, Bd 1. Helsingfors, 1855. S. 38.
- ⁶⁵ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 1. P. 178.
- ⁶⁶ Ibid. Pt 2. P. 789.
- ⁶⁷ Swanton J. R. Social Conditions... P. 405.
- ⁶⁸ Лишь некоторые современные тлинкиты, исповедующие православие, пользуются русскими именами, данными им при крещении (например, Петр Зубов). См.: Morgan I. And the Land Provides. Alaskan Natives in a Year of Transition. N. Y., 1974.
- ⁶⁹ Laguna F. de. Under Mount Saint Elias... Pt 2. P. 788.
- ⁷⁰ Salisbury O. M. The Customs and Legends of the Tlingit Indians of Alaska. N. Y., 1985. P. 67, 227.
- ⁷¹ Laguna F. de. The Story of a Tlingit Community... P. 181.